

Л. П. РЕПИНА

СОБЫТИЕ В ИСТОРИИ И КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ «КАЗУС 1066»*

В связи с новейшими тенденциями в теории и методологии, появлением новых исследовательских подходов и предметных областей, бурным развитием междисциплинарных направлений, разработка базисных понятий исторической науки представляет собой одну из наиболее актуальных задач современной историографии. Среди таких аналитических категорий центральное место занимают неразрывно связанные между собой категории «событие» и «время», которые в контексте обновления исторической науки на рубеже XX–XXI в. и развертывания мемориальной парадигмы обрели высокий эпистемологический статус. Сегодня, когда мы говорим об «историческом событии», то имеем в виду и процесс его свершения, и вызванные им непосредственные реакции, и формирование его «образа в коммуникативной памяти поколений, и трансформации этого образа в историографии, и его символизацию в историческом сознании и культурной памяти последующих эпох. В настоящей статье предлагается взгляд на этот процесс на примере знаменательного события, дата которого стала символической, прежде всего в контексте национальной, но также и в европейской истории – на юбилейном казусе «1066».

Ключевые слова: коллективная память, историческое событие, «образ прошлого», историческая культура, публичная история, «казус – 1066»

“Мемориальный поворот” в современном гуманитарном знании актуализировал дискуссии вокруг ряда, казалось бы, давно устоявшихся в исторической науке понятий, в том числе таких базисных, как тесно связанные между собой аналитические категории *событие* и *время*¹. Стоит отметить, что историческая наука пережила “возвращение”, или “возрождение события” еще в последней трети XX в.², однако особый эпистемологический статус категория *событие* обрела именно с развертыванием мемориальной парадигмы в общем контексте обновления исторической науки на рубеже XX и XXI вв.³ Речь идет об активном использовании этой старой аналитической категории, долгое время, наряду с понятием исторического факта, занимавшей умы представителей позитивистской методологии, в широком обсуждении новейшей

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Событие и время в европейской исторической культуре» № 14–01–00357а.

¹ Неразрывность этой связи определяется прежде всего тем, что события происходят во времени, и в каждом событии существует время – и как длительность, и как точка отсчета (начала и конца), к тому же события структурируют время истории. Подробнее о событии как элементе исторического анализа и темпоральной организации истории см.: Савельева, Полетаев 2003. Глава 10. С. 475–514.

² См., напр.: Нора 1974; Ревель 2003.

³ О бурном развитии memory studies в России в начале нынешнего века см.: Леонтьева 2015; Леонтьева, Репина 2015.

проблематики исторической памяти⁴, практики коммемораций и “исторической политики” (“политики прошлого”), кризисов исторического сознания⁵, а также сменяющихся “режимов историчности”⁶.

Сегодня можно уже говорить о постепенном формировании нового подхода к изучению события (*исторического события*) в фокусе пересечения различных темпоральных структур и действий индивидуальных и коллективных акторов, в соотнесении с социально-пространственными характеристиками и культурными реалиями соответствующей эпохи. Интерпретация события в новых модификациях событийной истории опирается на соотнесение внутреннего содержания и структуры события с его «внешней стороной», или с широко понимаемым историческим контекстом, а точнее контекстами – как синхронными (на разных уровнях), так и развернутыми во времени. При этом процедуры контекстуализации события и организации множества событий в хронологическую последовательность находятся в трудноразрешимом противоречии, выступающем как противоречие познания макро- и микромира. Это противоречие особенно ярко проявляется в интерпретации крупномасштабных социально-политических событий. Представление о том, какое событие является историческим, существенно изменилось, в том числе и потому, что историки обратили внимание на вопрос о взаимоотношениях социальной памяти и историописания, а также на место коллективной памяти в субъективности историка.

В центре внимания оказываются как социальный контекст события, так и его субъективное восприятие активными участниками, свидетелями, потомками, историками разных поколений – событие выступает как элемент коллективной памяти, имеющей собственные темпоральные характеристики. Ставится вопрос о новом понимании соотношения понятий события и факта, а также о ключевых характеристиках признаках понятия “историческое событие”. Не менее интересна и значима проблема поиска и концептуализации связей между событиями, а также построения исторического нарратива как направленного ряда событий.

Неизбежно встают вопросы о том, как событие из непредвиденного превращается в неминуемое, из банального в историческое, как темпоральная структура самого события и его размещение во времени и пространстве интерпретировались самими акторами, потомками и историками, в том числе в свете понимания настоящего как конечного итога событий прошлого. Память обладает способностью структурировать серии разрозненных событий в различным образом упорядоченные нарративы, при этом одно и то же событие может приобретать разные значе-

---

⁴ См., напр.: Ассман Я. 2004; Мегилл 2007; Диалоги со временем... 2008; Обrazy времени и исторические представления... 2010.

⁵ См., напр.: Кризисы переломных эпох... 2012; Ассман А. 2014; Репина 2014.

⁶ См.: Hartog 2003; Чеканцева 2014 (а)4 2014 (б).

ния. В зависимости от ситуации настоящего выбирается темпоральная перспектива. Коммуникативный подход делает акцент на тех структурных ограничениях, которые накладываются контекстом на участников взаимодействия, желающих переинтерпретировать события прошлого в своих интересах. Социальная общность может смотреть в более или менее удаленное прошлое, находя в истории тех или иных предков, выделяя принципиально важные для идентификации данной группы разновременные исторические события или периоды. Именно в структуре коллективной памяти «великие исторические события», служащие в исторической науке вехами-маркерами периодизации национальной и мировой истории, подвергаются своеобразной сакрализации или мифологизации и становятся историческими символами идентичности⁷. Их символический статус в соответствующем социокультурном пространстве поддерживается институтами памяти (включая систему образования, средства информации, формы художественной культуры), практикой мемориаций, национально-государственной политикой памяти.

Заоевание – событие экстраординарного, травматического характера, событие, которое нарушает сложившийся порядок в социуме, оказывая деструктивное воздействие практически на все его структуры, в т.ч. ментальные, и потому требует как образно-эмоциональной компенсации (мифологизации события в коллективной памяти), т.е. перестройки в ментальной структуре или ее рекреации, так и рациональной интерпретации (придания смысла в определенной версии событий)⁸.

В этой связи «Казус 1066» привлек мое внимание не сам по себе, а именно в попытке его рассмотреть в совершенно новой перспективе, предпринятой в свое время известным специалистом по данной теме Дэвидом Бейтсом в его инаугурационной лекции в качестве профессора истории и директора Института исторических исследований Лондонского университета, красноречиво озаглавленной «1066 год: эта дата все еще имеет значение?»⁹. Каковы же его основные тезисы?

Прежде всего, как на «чрезвычайно важное» обстоятельство, побудившее его обратиться к данной теме, Д. Бейтс указывает на то, что проблема «1066» ярко высвечивает возможности диалога между академическим сообществом и широкой публикой. 1066 год – одна из самых известных дат в английской истории, глубоко укорененная в национальном самосознании. Однако, в последнее время, судя по исследованиям знаний школьников, эта дата теряет статус известной всем и каждому, хотя и продолжает занимать уникальное место в английской культуре, массовом сознании и в политическом дискурсе. Речь идет также об от-

---

⁷ Или «местами памяти» – в терминологии Пьера Нора, получившей широкое распространение в международном профессиональном сообществе.

⁸ См., в частности: Falkowski 2010.

⁹ Текст был впоследствии опубликован в виде статьи: Bates 2005.

ссылках к этой дате в детских телепрограммах, в рекламе, безотносительно к тому, какое значение данному событию придается. А проведенный автором опрос среди сотрудников Института исторических исследований выявил интересный факт: в большинстве ответов упоминалось, что «1066» фиксирует дату последнего внешнего завоевания Англии, в них также присутствовали главные символы, глубоко врезавшиеся в массовое сознание, причем чаще всего вспоминался эпизод смерти Гарольда в образах знаменитого гобелена из Байё. В целом, констатирует автор, массовые представления о событии 1066 года напоминают попури из идей и образов, существовавших веками. Справедливо определяя эту памятную дату как некий конструкт, автор делает подробный обзор того длительного пути, по которому данное событие «вошло в историю» и заняло в ней особое место, в то время как другие решающие средневековые битвы в истории Британии не удостоились такой славы.

Далее Д. Бейтс подчеркивает, что укоренение этого конструкта в коллективном сознании было постепенным, а решающим моментом стало развитие антифранцузской ксенофобии, начиная со второй половины XIII в., которая привела к тому, что историки XIV века стали все более идентифицировать Завоевание с уничтожением английских вольностей. Две важные темы историографии позднего средневековья и нового времени: 1) оценка события в терминах расового конфликта или национальных различий и 2) с позиции конституционной свободы как главного политического принципа – оказали глубокое влияние на представления об этом событии в столь длительной временной перспективе, что их наследие обнаруживается и сегодня. Впрочем, позднесредневековые и современные истории 1066 года прошли через ряд фильтров в коллективном сознании: Завоевание было переформулировано в модели т.н. «нормандского ига» в духе конституционных аргументов XVII века. И что важно: речь идет о дебатах относительно того, разрушило ли Завоевание демократический и эгалитарный строй англо-саксонских времен, или же оно стало лишь одним из поворотных пунктов в долгом эволюционном процессе, причем все участники дебатов были хорошо знакомы с историческими сочинениями того времени, которые, в свою очередь, опирались на хорошее знание трудов средневековых хронистов, формировавших образ этого события с XIV в., и при всех различиях между ними, были едины в понимании национальной истории как непрерывной с самых ранних времен до их настоящего. В XVII в. присутствовала и другая модель, отрицающая преемственность конституционализма в английской истории и предлагающая свою версию событий, исходившую из признания особого типа феодализма «English-style». Однако трансмиссия в историографию XX века именно идеи конституционного континуитета была обеспечена монументальными трудами У. Стаббса и Э. Фримана. Д. Бейтс отмечает и роль романов Вальтера Скотта в помещении 1066

года в центр дискуссий о национальной идентичности, а также то, что в разных вариантах тема «нормандцы против англичан» оставалась на повестке дня даже в серьезных исторических трудах вплоть до второй половины XX в., причем главными факторами, поддерживающими популярность этой расовой темы в массовой культуре, были регулярные переиздания легенд о Робине Гуде и воплощения порочного шерифа Ноттингема в кино и литературе. За последние 100 лет, которые Бейтс называет веком научно-теоретической истории, 1066 год прошел сквозь призму концепций империи, колониализма и ряда других, и «наконец, поскольку историки в последние полвека или около того перестали читать средневековых авторов буквально, образ 1066 года, просуществовавший восемь веков, рассеялся...».

Автор стремится рассматривать событие Завоевания в режиме *longue durée* и с учетом живучести сложившихся стереотипов. Позитивно оценивая успехи новых направлений современной историографии, он констатирует устойчивость ряда компонентов старых концепций, а также необходимость обновления интерпретации этого ключевого события английской истории в более широкой пространственной перспективе, которая позволяет признать его частью общеевропейской истории, а также определенным этапом в становлении мультикультурализма и мультиэтничности, в процессах миграции и интеграции разных народов, из которых сложилось британское общество.

Контрфактический анализ дает автору весомые аргументы в пользу вывода об общеевропейском характере перемен XI–XII вв. По мысли Бейтса, «суть в том, что мы должны стараться различать между тем, что действительно случилось после 1066 года, тем, что случилось из того что не могло случиться, и тем, что могло бы произойти в любом случае». Нельзя автоматически связывать любое изменение, произошедшее в десятилетия после 1066 года, с воздействием самого Завоевания. Изменения, приписываемые событию Завоевания, не возникли одномоментно, но развертывались в последовавшие десятилетия и в жизни следующих поколений как результаты сложного процесса, включавшего и «переговоры на местах», и «множественные акты насилия и притеснений», и «создание новых социальных связей».

Автор видит возможность создания нового нарратива о событиях 1066 года на основе ценностей, отличных от национализма, расизма и конституционализма. Начинать, по его мнению, надо с того, что, «продолжая с пониманием и уважением относиться к истории этого события в течение более девяти столетий, мы должны решительно пересмотреть многое из багажа прошлого...», используя научные достижения последних десятилетий. И этот предложенный им новый нарратив требует мышления в терминах ритуала, этикета, способов разрешения конфликтов, понятия чести и т.п., т.е. определения политической культуры в

терминах антропологически ориентированного анализа. Реализация такого подхода просматривается в концепциях «Первой Европейской революции», «Феодальной революции», «Мутации тысячного года», в идее глобальных культурных сдвигов. В других концепциях глобальных изменений 1066 год предстает как часть диаспоры народов, составившей т.н. первую великую экспансию западной Европы, проявления которой включали ранние крестовые походы, войны против ислама в Испании и начало «дранг нах остен». «Эта диаспора понимается не только как миграция людей, но также как культурное движение, которое привело к широкому распространению особой ветви христианства и, в разных формах, военной и религиозной культуры Запада...».

В свете современных дискуссий о новой событийной истории примечательны два ответа Бейтса на поставленный им в заглавии статьи вопрос: 1) 1066 год следует рассматривать как событие европейского значения, имевшее последствия, определившие направление истории Британских островов; 2) «1066 год, в конечном счете, имеет значение потому, что он имел так долго такое большое значение для столь многих людей. И потому, что даты имеют значение как символы: они получают в национальных историях такой резонанс, который выходит далеко за пределы их действительного исторического значения».

И еще один по-настоящему актуальный и важный вывод Д. Бейтса из проведенного им анализа «истории одного события», а он таков: «Идея, которая оказывает мощное влияние на индивидуальные и коллективные действия в настоящем, – вот то, что мы стремимся понять во времена, когда прошлое кажется таким раздробленным и далеким», и в этой ситуации «слишком легко ухватиться как за соломинку за представление о непреодолимой силе некоего сотворенного исторического прошлого над беспомощным настоящим».

Именно на основе таких значимых, символических событий прошлого строится коллективная идентичность, выстраивается периодизация национальной истории. Благодаря учебникам, научно-популярной и художественной литературе, они входят в багаж исторических знаний и представлений широкого круга людей. Многие события такого уровня приобрели особый статус только в контексте последующего хода истории. И потому перед историком возникает вопрос: «Почему и когда это событие стало трактоваться как определенный исторический рубеж?». Ответить на него можно, только восстановив полномасштабную символическую биографию данного события в долговременной исторической перспективе. Сегодня, когда мы говорим об «истории события», то имеем в виду и процесс его свершения, и вызванные им непосредственные реакции, и формирование его «образа» в коммуникативной памяти первых поколений, и трансформации этого образа в историографии, историческом сознании и культурной памяти последующих эпох.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
- Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
- Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Круг, 2008. 800 с.
- Кризисы переломных эпох в исторической памяти / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2012. 336 с.
- Леонтьева О.Б. «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // Диалог со временем. 2015. Вып. 50. С. 59-96.
- Леонтьева О.Б., Репина Л.П. Образы прошлого, мемориальная парадигма и «историография памяти» в современной России // ЭНОЖ «История». 2015. Т. 6. Выпуск 9 (42) URL: <http://history.jes.su/s207987840001259-3-1>.
- Мезилл А. Историческая эпистемология. М.: Канон+, 2007. 480 с.
- Нора П. Между памятью и историей: Проблематика «мест памяти» // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб., 1999. С. 17-50.
- Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Круг, 2010. 960 с.
- Ревель Ж. Возвращение к событию: Пути историописания // Homo Historicus: к 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного: в 2-х кн. Кн. 1. М., 2003. С. 238-254.
- Репина Л.П. Социальные кризисы и катаклизмы в исторической памяти: теория и практика исследований // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2008–2013 год. М.: Наука, 2014. С. 206-231.
- Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: Теория и история. В 2-х тт. Т. 1: Конструирование прошлого. СПб.: Наука, 2003. 632 с.
- Чеканцева З.А. Между Сфинксом и Фениксом: историческое событие в контексте рефлексивного поворота по-французски // Диалог со временем. 2014 (а). Вып. 48. С. 16-30.
- Чеканцева З.А. Историческое событие и время в контексте «ритмической парадигмы» // Диалог со временем. 2014. Вып. 49 (б). С. 14-27.
- Bates D. 1066: Does the Date Still Matter? // Historical Research. 2005. Vol. 78. No. 202. P. 443-454.
- Falkowski, Tomasz. Historical Event as a Structural Factor. South America Conquest by the Spanish in Nathan Wachtel Perspective // Sensus Historiae. Vol. I (2010/1). P. 119-131.
- Hartog F. Régimes d'historicité: présentisme et expériences du temps. P.; Seuil, 2003.
- Nora P. Le retour de l'événement // Faire de l'histoire / J. Le Goff et P. Nora (dir.). P.: Galilimard, 1974. P. 210-228.

REFERENCES

- Assman A. Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya poli-tika. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 328 s.
- Assman Ya. Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 368 s.
- Dialogi so vremenem: Pamyat' o proshlom v kontekste istorii / Pod red. L.P. Re-pinoj. M.: Krug", 2008. 800 s.
- Krizisy perelomnykh epokh v istoricheskoi pamyati / Pod red. L.P. Repinoj. M.: IVI RAN, 2012. 336 s.
- Leont'eva O.B. «Memorial'nyi povorot» v sovremennoi rossiiskoi istoricheskoi nauke // Dialog so vremenem. 2015. Vyp. 50. S. 59-96.

- Leont'eva O.B., Repina L.P. Obrazy proshlogo, memorial'naya paradigma i «istoriografiya pamyati» v sovremennoi Rossii // ENOZh «istoriya». 2015. T. 6. Vy-pusk 9 (42) URL: <http://history.jes.su/s207987840001259-3-1>.
- Megill A. Istoricheskaya epistemologiya. M.: Kanon+, 2007. 480 s.
- Nora P. Mezhdru pamyat'yu i istoriei: Problematika «mest pamyati» // Frantsiya-pamyat' / P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Pyuimezh, M. Vinok. SPb., 1999. S. 17-50.
- Obrazy vremeni i istoricheskie predstavleniya: Rossiya – Vostok – Zapad / Pod red. L.P. Repinoy. M.: Krug", 2010. 960 s.
- Revel' Zh. Vozvrashchenie k sobytiyu: Puti istoriopisaniya // Homo Historicus: k 80-letiyu so dnya rozhdeniya Yu.L. Bessmertnogo: v 2-kh kn. Kn. 1. M., 2003. S. 238-254.
- Repina L.P. Sotsial'nye krizisy i kataklizmy v istoricheskoi pamyati: teoriya i praktika issledovaniy // Trudy Otdeleniya istoriko-filologicheskikh nauk RAN. 2008–2013 god. M.: Nauka, 2014. S. 206-231.
- Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Znanie o proshlom: Teoriya i istoriya. V 2-kh tt. T. 1: Konstruirovaniye proshlogo. SPb.: Nauka, 2003. 632 s.
- Chekantseva Z.A. Mezhdru Sfinksom i Feniksom: istoricheskoe sobytie v kontekste reflektivnogo povorota po-frantsuzski // Dialog so vremenem. 2014 (a). Vyp. 48. S. 16-30.
- Chekantseva Z.A. Istoricheskoe sobytie i vremya v kontekste «ritmicheskoi paradig-my» // Dialog so vremenem. 2014. Vyp. 49 (b). S. 14-27.
- Bates D. 1066: Does the Date Still Matter? // Historical Research. 2005. Vol. 78. No. 202. P. 443-454.
- Falkowski, Tomasz. Historical Event as a Structural Factor. South America Conquest by the Spanish in Nathan Wachtel Perspective // Sensus Historiae. Vol. I (2010/1). P. 119-131.
- Hartog F. Régimes d'historicité: présentisme et expériences du temps. P.; Seuil, 2003.
- Nora P. Le retour de l'événement // Faire de l'histoire / J. Le Goff et P. Nora (dir.). P.: Gallimard, 1974. P. 210-228.

Репина Лорина Петровна, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, рук. Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН, зав. кафедрой Теории и истории гуманитарно-го знания РГГУ; lorinarepina@yandex.ru

An event in history and in collective memory «The Case of 1066»

The analysis of the basic notions of historical discipline is an extremely important task for contemporary historiography, with its new theoretical and methodological trends, interdisciplinary approaches and research fields. The central place among such analytical categories is occupied by the notions of 'event' and 'time', which acquired a high epistemological status in the context of the renewal of historical discipline in the late 20th – early 21st cc. and the development of memorial paradigm. When we speak of a 'historical event' today, we mean the process by which it took form, as well as immediate reactions to it, and the shaping of its 'image' in the communicative memory of generations, and its symbolization in historical conscience and cultural memory of later epochs. The present article looks into this process, using an example of a famous event, a date that has become symbolic in the context of national and European history – the anniversary case of "1066".

Keywords: collective memory, historical event, 'narratives of identity', historical culture, institutes of national memory, comparative research.

Lorina Repina, Professor, Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. (History), Head of the Centre for Intellectual History of the Institute of World History (RAS), Head of the Department of Theory and History of the Humanities (Russian State University for the Humanities); lorinarepina@yandex.ru.